

Г. А. КУРБАТОВ

ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС В АНТИОХИИ В IV в.

Положение народных масс, а следовательно, и характер их выступлений в городах Восточно-Римской империи в значительной степени определялись теми изменениями, которые произошли в социально-экономической жизни городов восточных провинций в IV в. Рост налогового гнета, особенно введение хрисаргира, прикрепление ремесленников, сокращение принадлежавших городам земель и доходов и постепенное обеднение куриалов, ускорившееся разложение муниципального строя и усиление в противовес ему власти правителей и чиновников на местах — все эти процессы уже к концу указанного века достигли значительного развития и сказались на положении различных социальных групп городского населения, в том числе и народных масс города.

Материал, характеризующий положение народных масс города в IV в., весьма немногочисленный. Он ограничивается по большинству городов отдельными отрывочными упоминаниями в источниках. Исключение составляет рассматриваемая в настоящей статье Антиохия, крупнейший политико-административный, торгово-ремесленный и культурный центр империи, население которого в IV в. достигало 200—250 тысяч человек.¹

Многочисленные источники, преимущественно произведения авторов-очевидцев и участников событий, Либания, Иоанна Златоуста, императора Юлиана, Аммиана Марцеллина не только содержат целый ряд фактов о положении и выступлениях народных масс города, но и характеризуют многие стороны социально-экономической жизни Антиохии. Это дает возможность рассматривать факты в тесной связи со всей социально-экономической обстановкой в городе, а более или менее равномерное распределение материала источников на протяжении всего IV в. позволяет до известной степени проследить изменения, происшедшие в положении народных масс города. Все это делает материал Антиохии особенно ценным для исследователя.

¹ Proc. Bell. Pers., v. II, 11, 14, ed. Haury; Lib. ep., 1119, 3—4, Libanii opera. Rec. R. Foerster, Lipsiae, 1903—1923; Ioh. Chrys., Hom. Matt., LXXXV, 4; Ioh. Chrys., in s. Ign, MPG, 59, стр. 591. Причем эти сообщения источников в настоящее время полностью подтверждаются данными раскопок в Антиохии. Город в IV в. занимал огромную площадь. Главная улица действительно, как это описывает и Либаний, имела длину в 36 стадий (свыше 5 км). Реконструированный и значительно расширенный в этом столетии ипподром, один из крупнейших в империи, вмещал несколько десятков тысяч зрителей, а театр в одном из пригородов (Дафне) имел 6000 мест. Antioch-on-the-Orontes, I, The excavations of 1932. Princeton, 1934.

В буржуазной литературе, несмотря на обилие работ по Антиохии, этот материал нашел очень слабое отражение. Основное внимание буржуазных ученых было направлено на изучение бурных событий религиозной и политической жизни этого города, рассматриваемых вне связи с социально-экономической обстановкой. Примером в этом отношении может служить не только работа Деврееса, вышедшая в 1945 г. и специально посвященная истории антиохийского патриархата,¹ но и появившаяся в 1951 г. „История Сирии“ Хитти,² в которой вся социально-экономическая характеристика Антиохии IV в. сводится к простому перечислению развитых там ремесел и описанию торговых связей города.

В работах же, специально посвященных городу, почти все внимание уделяется описаниям упадка курий и обеднения куриалов на основании многочисленных и во многом преувеличенных данных Либания, а все остальное население города рассматривается как некая однородная и безликая масса, *δῆμος*, не имеющая собственных интересов. В результате этого социальные причины городских волнений оказываются скрытыми, и последние нередко объясняются интригами и происками отдельных лиц³ или мятежностью, горячностью и вспыльчивостью легко возбуждающейся восточной толпы.⁴

Среди иностранных работ значительный интерес представляет статья английского прогрессивного ученого Р. Браунинга о роли цирковых группировок в восстании 387 г. Автор правильно видит важнейшую причину восстания, определившую активное участие в нем народных масс города, в резком ухудшении положения последних в течение IV в.⁵

В советской исторической науке отдельные данные о положении народных масс в Антиохии использовались в общих работах по истории ранневизантийского города. В частности, в значительной степени на нем построена интересная, хотя во многих вопросах и спорная, статья М. Я. Сюзюмова.⁶

В целом же этот материал по Антиохии остается до настоящего времени еще слабо разработанным. В настоящей статье автор и ставил своей задачей рассмотреть данные, характеризующие положение народных низов Антиохии в IV в., определить их роль и место в социально-экономической жизни этого города и показать их борьбу.

Источники, содержащие наиболее ценный и яркий материал по социально-экономической жизни Антиохии этого времени, Иоанн Златоуст и Либаний, часто упоминают о рабах, причем последний прямо говорит о большом числе рабов в городе.⁷ Подавляющее большинство рабов использовалось в качестве домашних прислужников. В Антиохии, важном политико-административном центре империи, фактической столице ряда восточных провинций, постоянно жило много богатых представителей знати и чиновничества, в поместьях которых трудились не

¹ R. Devreesse. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'Église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945.

² P. K. Hitti. History of Syria, including Lebanon and Palestine. London, 1951.

³ O. Seeck, Gesch. d. Untergangs d. antiken Welt, v. IV, 1911, стр. 126—127.

⁴ R. Devreesse, ук. соч., стр. 112—114; Т. Моммзен. История Рима, т. V, 1949, стр. 518.

⁵ R. Brownning. The Riot of a. d. 387 in Antioch. Journ. of Rom. Stud., XLVII, 1952, стр. 115.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. Ученые записки Уральск. Гос. унив., вып. XI, 1952, стр. 84—134.

⁷ Lib., XXV, 1; XXVII, 28.

только сотни, но нередко и тысячи рабов и колонов.¹ В своих домах в Антиохии они держали десятки рабов-прислужников: секретарей, носильщиков, поваров, флейтистов, конюхов и т. д. Много рабов было и у средних и мелких рабовладельцев. По словам Либания, даже наиболее бедные из риторов, получавшие весьма скромную плату, жившие в дешевых наемных помещениях и вечно опутанные долгами, имели по два-три раба: „οἰκέται δὲ τῷ μὲν τρεῖς τῷ δὲ δύο...“.²

В ремесле же и торговле, хотя Антиохия и была крупнейшим торгово-ремесленным центром, рабский труд не находил столь широкого применения. В значительных размерах он, очевидно, использовался в многочисленных в Антиохии пекарнях, гостиницах, харчевнях, владельцы которых принадлежали к состоятельной верхушке торгово-ремесленного населения. Так, на принадлежавших пекарям мельницах работали рабыни.³ В гостиницах, многие из которых, судя по описаниям Либания и данным раскопок, были крупными заведениями, где приезжающие могли в любое время получить помещение, пищу, принять баню, развлечься выступлениями музыкантов и танцовщиц, основную массу многочисленного обслуживающего персонала составляли рабы, хотя источники упоминают и о наличии среди них и свободных.⁴

Рабский труд также в известных размерах, очевидно, использовался и в находившихся в Антиохии государственных мастерских, в частности в монетных и оружейных. По первым данным по Антиохии нет, кроме одних упоминаний о их существовании и находок монет с антиохийским чеканом, но обычно в монетных мастерских, наряду с лично свободными, но прикрепленными к мастерской ремесленниками, работали и рабы, особенно на черновых, подсобных работах. Едва ли Антиохия составляла в этом отношении исключение. В крупных же государственных оружейных мастерских Антиохии, вероятно, преобладал труд свободных, так как эдикт Гонория и Аркадия, упоминающий антиохийских *fabricienses*, требует освобождать их от постоя воинов.⁵

Отдельные рабы-ремесленники, а иногда и целые мастерские, преимущественно ткацкие, были в домах части представителей знати. Они, как правило, обслуживали только потребности домашнего хозяйства этих богачей. Владение же мастерскими, работавшими на рынок, на продажу, не было распространенным явлением среди крупных и средних рабовладельцев-куриалов. Относительно последних это наиболее убедительно показывает речь Либания в защиту своего ученика Талассия, которого не хотели принимать в курию Антиохии, помимо ряда других причин, еще и потому, что он, земельный собственник, имел ремесленную мастерскую, работавшую на продажу, что рассматривалось как унижающее достоинство члена курии. Характерно и то, что Либаний, прекрасно знавший большую часть куриалов города, не смог привести в поддержку Талассия ни одного примера куриала — вла

¹ Joh. Chrys. Homil. ad Matth., b, 3, 4, MPG, 57.

² Lib., XXXI, 11.

³ Lib., LIII, 19: „...θεραπεύσας τὰς τε ἄλλας καὶ τὰς ἀπὸ τῶν μυλωνῶν“.

⁴ Lib., XLVI, 19: „καὶ πολλοὶ τῶν διακόνων... ἀπέθανον, καὶ δεῖ χρημαστὶ πείσαντε τοὺς τούτων γοεῖς σεσωσθαι“.

⁵ Cod. Just., XII, 41, 4. С подобным же положением мы встречаемся и в императорских мастерских, находившихся в ряде других городов империи. Так, в Кесарии свободные ремесленники, а не рабы, работали не только в оружейных, но даже и в ткацких мастерских. Григ. Богослов (Твор., т. IV, изд. III, 1889, стр. 90) рассказывает, что во время волнения в Кесарии „оружейники и императорские ткачи, ... по причине с в о б о д ы, которой пользуются, бывают раздражительны и действуют ...“

дельца доходной мастерской в Антиохии этого времени и вынужден был сослаться на малоубедительные в данном аспекте случаи, когда куриалами становились выходцы из торгово-ремесленных кругов.¹

Среди мастерских, работавших на продажу, мы почти не встречаем крупных мастерских. Только об одной, из упоминаемых Либанием, говорится, что в ней работало несколько рабов-ремесленников.² Подавляющее большинство мастерских было, очевидно, мелкими, владельцы которых были сами мастерами-ремесленниками и работали с помощью одного-двух рабов, т. е. в Антиохии преобладающим было мелкое ремесленное производство, в котором, по словам Энгельса, „не было места для большого числа рабов“.³ Причем и в этих мелких мастерских рабский труд, очевидно, находил более или менее широкое применение только в производстве оружия, предметов роскоши. Но и среди ремесленников мы встречаем таких, которые не имеют рабов. Так, в одной из своих антиохийских речей Иоанн Златоуст рассказывает о бедняках мастерах-серебряниках, которые, по всей видимости, не имели рабов, так как он говорит о том, что голод и бедность заставляли их продавать свои орудия труда.⁴

Подавляющее же большинство ремесленников остальных профессий выступают как свободные и, по характеру описаний, не имеющие рабов мелкие производители.⁵ Причем по целому ряду ремесел мы не только не имеем или почти не имеем упоминаний о рабах ни по Антиохии IV в., ни по другим городам этого и последующих двух столетий, но и вся совокупность косвенных данных заставляет скорее предполагать их отсутствие, чем наличие. Это так называемые „низкие ремесла“: гончарное, кожевенное, сапожное, красильное, производство стеклянной посуды, грубых и дешевых тканей, веревок, корзин и, отчасти, медных и железных изделий. К ним же можно отнести и большинство строительных профессий, где безусловно преобладал труд свободных. Уже Кулаковский отмечал, что законодательные памятники этого времени, кодексы Феодосия и Юстиниана, почти ничего не сообщают о „низких ремеслах“ и объединениях этих ремесленников.⁶ А в подавляющем большинстве остальных источников, особенно агиографических, они обычно квалифицируются как мелкие свободные ремесленники, не имеющие рабов. Так, Иоанн Златоуст, перечисляя ряд таких профессий (медников, красильщиков, сапожников и др.), говорит, что они „добывают себе пропитание ежедневными трудами, не имеют ни рабов, ни собственного жилища и во всем нуждаются“.⁷

В Антиохии IV в. эти мелкие свободные ремесленники были весьма многочисленны. Даже принимая во внимание значительные в этом городе размеры производства предметов роскоши, осуществлявшегося, очевидно, в основном в мастерских, где использовался рабский труд, нельзя не учитывать того, что изделия этих свободных бедняков-ремесленников, простые, грубые и дешевые, удовлетворяли потребности значительной части населения огромного города — народных низов (как ни мало было их потребление), мелких, а также, отчасти, и средних

¹ Lib., XLII.

² Lib., XLII, 21.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 126.

⁴ Ioh. Chrys. De Laz., III, 2, MPG, 48, стр. 994.

⁵ Lib., XXV, 36; LXII, 11; LVIII, 4—5; II, 6; XXXIII, 35 и др.; Ioh. Chrys. De Laz., III, 2, MPG, 48, стр. 994.

⁶ Ю. А. Кулаковский. Коллегии в древнем Риме. Киев, 1882, стр. 135.

⁷ Ioh. Chrys. in ep. ad. Cor., hom. XX, 5—6, MPG, 61, стр. 168—169.

собственников. Иоанн Златоуст говорит, что не особенно состоятельный горожанин „не станет обращаться к серебряникам (ибо не позволяет бедность), не будет ходить и к продавцам ароматов. Однако он чаще будет посещать башмачников, ткачей, портных и красильщиков“¹. Изделия этих ремесленников приобретали и мелкие свободные земледельцы из окружавшей Антиохию сельской местности, которые, как это видно из речи Либания в защиту приезжающих в город земледельцев, довольно часто посещали Антиохию.² В серии мозаичных изображений из Yakto (V в.), являющихся своеобразным итинерарием по Антиохии, также есть два изображения крестьян, направляющихся в город на рынок. Обе фигуры изображены у городских ворот, в коротких одеждах простолоудинов. Один из них несет мешок, а другой какой-то груз за спиной на палке.³ В городе они приобретали самые примитивные орудия и ремесленные изделия, процесс изготовления которых хотя и „был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны или лучшего качества покупных изделий“⁴.

Свободные трудовые низы Антиохии состояли не только из ремесленников. К ним следует отнести и довольно значительную группу мелких торговцев (τοὺς ἐν ὧνῃ καὶ πρᾶσει τῇ τῶν ζῴωντας),⁵ часть которых жила „продажей купленных“ изделий, а многие из них даже не были владельцами продаваемых ими товаров, а нанимались продавать изделия, принадлежащие другим.⁶ Услугами таких торговцев в основном пользовались мелкие ремесленники, жившие далеко от торжищ, на окраинах города. Работая от зари до зари (Либаний даже упоминает о ночной работе ремесленников),⁷ они не имели времени для сбыта своих изделий, но были крайне заинтересованы в скорейшей их продаже. Некоторые из этих мелких торговцев-разносчиков продавали овощи, принадлежащие огородникам, хлебные изделия — пекарей, пирожки и булочки — содержателей харчевен.⁸

По своему положению многие из мелких торговцев мало чем отличались от поденщиков, находивших себе работу в пригородных садах и огородах, на строительстве зданий, которое постоянно велось в огромном городе, в качестве грузчиков и носильщиков. Либаний упоминает в одной из своих речей о свободных, которые „снискивают себе пропитание тасканием камней или другим подобным тяжким трудом“.⁹

Очевидно, среди наемных работников довольно значительную группу составляли наемные погонщики животных (οἱ μισθωτοί), неоднократно упоминаемые Юлианом и Либанием.¹⁰ Последний говорит о существовании в Антиохии довольно большого числа конных дворов, владельцы которых, приобретя лошадей, мулов, ослов и верблюдов, „нанимали тех, кто будет ходить за ними“ („ἐμισθωσάμενον τοὺς ἐπιμελησομένους τούτων ἐκάστου“),

¹ Ioh. Chrys. Contra eos qui subintroductas habent virgines, MPG, 47, стр. 508—509.

² Lib., I, 28.

³ Antioch-on-the Orontes, v. I, стр. 130—131 и 142.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 910.

⁵ Lib., XLVI, 7.

⁶ Lib., XXV, 36.

⁷ Lib., XXV, 36 и XI, 268: „И ночь у нас отличается от дня только разнообразием освещения. Для ремесел же она — наравне с днем...“.

⁸ Lib., XXVII, 27.

⁹ Lib., LV, 24.

¹⁰ Julianus imp. Μισθωτών, ed. F. C. Hartlein, v. 2, Lipsiae, 1876, стр. 458: „...καὶ τῶν καμήλων; ἀγροσί τοι καὶ ταύτας οἱ μισθωτοὶ διὰ τῶν στοῶν ὡς περ τὰς νυμφας...“; Lib., L, 4; LXIII, 7 и др.

и сдавали этих животных вместе с погонщиками в наем.¹ Вероятно, один из таких наемных погонщиков, в короткой одежде простолюдина, гонящий перед собой двух нагруженных лошадей или мулов по улице Антиохии, представлен на мозаичном изображении из Yaktō.²

Возможно, они же работали и по доставке с находившихся неподалеку от Антиохии гор строительного камня, леса, дров.

Все вышеизложенное, как нам представляется, позволяет говорить о том, что в Антиохии IV в. в господствовавшем там мелком ремесленном производстве преобладал труд свободных.³ Такой же вывод напрашивается и при рассмотрении уже упоминавшейся серии мозаичных картин из Yaktō, многие из которых характеризуют торгово-ремесленную жизнь Антиохии в V в.

Стремление художника отразить социальное положение изображаемых лиц — несомненно. Если исходить из единственно возможного предположения, что художник изображал представителей знати в длинных, почти до пят, разноцветных одеждах, плебеев — в коротких, преимущественно одноцветных, а рабов — в коротких одеждах с полуобнаженной верхней частью тела, то среди, по крайней мере, двадцати изображений ремесленников, мелких торговцев, погонщиков животных, носильщиков мы имеем лишь два изображения рабов, причем в одном случае не ремесленника и не помогающего хозяину-торговцу, а просто одиночного раба, несущего какой-то груз.⁴ Очевидно в какой-то степени в этих мозаиках отразилось реальное положение вещей, сравнительно небольшая роль рабского труда в ремесле и торговле.

Значительное распространение труда свободных в городах восточных провинций не было особенностью, характерной только для IV в. О нем говорят и памятники II—III вв., в частности папирусы.⁵ Уже тогда это довольно резко бросалось в глаза приезжавшим из Италии, из Рима. Император Адриан (117—138), посетив Александрию, был удивлен тем, что „в ней все работают“.⁶

Но для IV в. обращает на себя внимание почти полное отсутствие упоминаний о рабах по целому ряду „низких ремесел“, как и многочисленные описания исключительно бедственного положения занятых этими ремеслами свободных, тяжелым трудом от зари до зари едва обеспечивающих себе полуголодное существование. Они дают основание предполагать, что в это время уже довольно сильно проявляется невыгодность использования рабского труда в этих ремеслах. Если свободный, заинтересованный в результате своего труда, а следовательно, и максимально производивший ремесленник едва обеспечивал себе существование, то труд менее инициативного работника-раба, занятого в этих ремеслах, едва ли приносил его владельцу доход.

Владельцы мелких ремесленных мастерских, производивших дешевые изделия на местный рынок, сами являвшиеся мастерами-ремесленниками, для которых их мастерская была единственным источником дохода и притом весьма скромного, должны были в первую очередь ощутить

¹ Lib., L, 4.

² Antioch-on-the-Orontes, v. I, стр. 143.

³ Е. А. Штаерман, на основании данных Либания, считает, что ремесло в Антиохии „большей частью основывалось на труде свободных ремесленников“ (Е. А. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, № 2, 1953, стр. 51).

⁴ Antioch-on-the-Orontes, v. I, стр. 134—150.

⁵ Некоторые из них, например, приводятся в работе: М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. 1914, стр. 177 и др.

⁶ SS Hist. Aug. Spart. Adr., I.

экономическую невыгодность применения рабского труда. Это, очевидно, и привело в этих ремеслах к превращению владельца мелкой мастерской с одним-двумя рабами в ремесленника-одиночку. Энгельс указывал, что рабство „перестало окупать себя и потому отмерло“.¹

В немалой степени этому способствовало и усиление податного гнета. Государство, увеличивая необходимые для поддержания господства рабовладельцев, для сохранения и укрепления рабовладельческого строя налоги на городское население, на представителей торгово-ремесленных кругов — владельцев мелких рабских мастерских, делало для них применение рабского труда еще более невыгодным и тем самым на деле способствовало разложению рабовладельческих отношений в городе. Все это показывает, что в городе в IV в. состояние производительных сил приходило во все большее несоответствие с производственными отношениями.

В то же время в производстве предметов роскоши, драгоценных тканей, оружия, многие из которых в Антиохии IV в. продавались не только в самом городе, но и вывозились в другие города и провинции империи, мы видим несколько иную картину. Упомянутый Либанием владеец рабской мастерской доходами от нее мог не только „поддерживать свое существование“ („σώειν τῆν αὐτῶν“), но и „увеличивать состояние“ („προστιθέναι τοῖς οὐσι“).²

Наличие большого числа свободных производителей в городе, заинтересованных в результатах своего труда, а следовательно, и стремившихся совершенствовать свои орудия, обуславливало некоторое, хотя и замедленное, развитие техники. Так, очевидно, в IV в. был создан вызвавший восхищение Иоанна Златоуста ткацкий станок особого вида. „Мастер не касается его своей рукой, а орудие ремесла делает рисунки на одежде и в видимых формах воспроизводится замысел художника“.³

Преобладанием в ремесле и в торговле в Антиохии IV в. труда свободных, очевидно, объясняется и то, что по такому крупному торгово-ремесленному центру, как Антиохия, жизнь которого к тому же на протяжении целого столетия весьма подробно отражена в источниках, нет данных о волнениях рабов в мастерских или о сколько-нибудь крупных выступлениях их в городе. В условиях Антиохии этого времени борьба рабов против рабовладельцев выражалась в их бегстве от своих хозяев, в убийствах отдельных рабовладельцев, в плохом выполнении работы. Жалобы на нерадивость рабов и их нежелание работать — постоянное явление.⁴ Либаний рассказывает, что в театре и на ипподроме на представлениях бывает много рабов, очевидно, прислужников, убежавших от своих господ.⁵ Возможно, что и среди упоминаемых им в городе разбойников некоторую часть составляли беглые рабы.⁶ Обычно же они, сбегав от своих владельцев, уходили из города. Либаний жалуется, что есть много мест, где может укрыться беглый раб.⁷

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 127.

² Lib., XLII, 32.

³ Joh. Chrys. De mundi creatione, VI, 6, MPG, 56, стр. 492: „Ἐστῆκεν ἰστός, ἐν τῷ παραπεμπόμενον, οὐ χεῖρ ἐργαζομένη, ἀλλ' ὁ λόγος ἐργάζεται, λόγος μορφῆς ἀποτελεῖ. Οὐκ ἐπιβάλλει χεῖρας ὁ τεχνίτης, καὶ ὁ λόγος τῆς τέχνης μορφοῖ τὸ ἱμάτιον, καὶ ἐν ὁρωμένοις σχήμασιν ἐγέρεται τὸ βούλημα τοῦ τεχνίτου“.

⁴ Lib., XXVI, 8; Joh. Chrys. Ad pop. Akt., XIII, MGP, 49.

⁵ Lib., XXVI, 7 „τῶν δὲ δούλων οἱ δούλευσιν οὐκ ἄξιουντες, . . .“.

⁶ Lib., XXXIII, 7.

⁷ Lib., XXV, 29; XIV, 45.

В частности таким надежным убежищем были находившиеся неподалеку от Антиохии горы. Соединившись в отряды, „разбойники“ совершали нападения на виллы рабовладельцев и грабили на дорогах. Либаний часто говорит об опасностях, грозящих путникам от разбойников, а Иоанн Златоуст о том, что встреча с беглым рабом „страшнее, чем с диким зверем в пустыне“.¹ Движение этих разбойников, среди которых, судя по упоминанию Либания, было немало и свободных, преимущественно из числа мелких свободных земледельцев, разоренных поборами и патронатом,² не только постоянно существовало в течение IV в., но и достигло таких размеров, что власти вынуждены были расставить на больших дорогах посты стражников.³

Надо думать, что подобное положение было и во многих других крупных городах: источники не сообщают о сколько-нибудь значительных выступлениях городских рабов.⁴

В IV в. положение свободных низов Антиохии серьезно изменилось к худшему. Это ухудшение шло сразу по нескольким линиям. Прежде всего, резко возросло податное бремя. До 314 г. основным налогом была подушная подать, которую уплачивали свободные жители городов, не имевшие земельной собственности. В 314 г. был введен новый, чрезвычайно обременительный для торгово-ремесленного населения налог — хрисаргир, особенно тяжело отразившийся на положении беднейших жителей города. Его платили не только ремесленники и торговцы, но и поденщики и даже блудницы и нищие.⁵ Все землевладельцы, вносящие поземельные подати, были от него освобождены даже в том случае, если они имели мастерские. Богатые же владельцы мастерских, обязанные вносить хрисаргир, и особенно купцы использовали все средства, чтобы избавиться от его уплаты или добиться уменьшения полагавшейся с них суммы. Купцы, например, по словам Либания, нередко специально отправлялись в торговые поездки именно тогда, когда приближался срок его сбора. А так как размер суммы хрисаргира, взыскиваемого с каждого города, был заранее фиксирован, то причитавшаяся с них сумма распределялась между оставшимися плательщиками, в том числе и более бедными. В результате: „Гибнут люди, которым едва дает прокормиться их ремесло“⁶. Многие ремесленники и торговцы, и без того едва сводившие концы с концами, не могли собрать к сроку сумму, необходимую для уплаты подати за все пять лет. Поэтому хрисаргир в прямом смысле этого слова выколачивался из населения сборщиками и городскими властями. Но, как говорил Либаний: „...хоть кожу спусти с должника, кожу спустишь, но никак не добьешься, чтобы неимущий имел деньги“.⁷

В результате притеснений и насилий со стороны сборщиков возросло число случаев продажи детей в кабалу: „...полученные за них деньги

¹ Lib., XIV, 45; XLVI, 9; XLVI, 43; XLVII, 5; Joh. Chrys. Expos. in Psalm., CXLVIII, 4, MPG, 55, стр. 440.

² Lib., XLVII, 6.

³ Joh. Chrys. Ad. Stagirium a daemone vexatum, II, 6, MPG, 47, стр. 458.

⁴ Это заставляет нас признать недостаточно справедливым упрек, сделанный автором настоящей статьи М. Я. Сюзюмову о недооценке им роли рабских выступлений в городах Восточно-Римской империи (см. рец. на ук. соч. М. Я. Сюзюмова: Виз. вр., т. VII, 1953, стр. 307).

⁵ Н. В. Пигулевская. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии. ВДИ, № 3—4, 1938, стр. 157.

⁶ Lib., XLVI, 22—23: „οἷς μόλις ἄρταν προσφέρουσιν καὶ χεῖρες, ἀπέλλυνται“.

⁷ Lib., XXXIII, 32.

тут же переходили в дань настойчивого сборщика.¹ Это явление стало столь распространенным по всей империи, что Константин, вскоре после введения хрисаргира, издал закон, разрешавший родителям продавать своих детей в случае „крайней бедности и нищеты“ и предоставлявший им право обратного выкупа.²

Но даже крайние меры нажима не обеспечивали полного поступления хрисаргира, и у ремесленников и мелких торговцев была постоянная задолженность за предыдущие годы, причем столь давняя, что во второй половине IV в. пришлось обновлять долговые записи, делавшиеся на стенах у дверей мастерских, чтобы они не стерлись, не говоря уже о новых приписках недоимок.³

Вполне понятно поэтому, что наступления каждого срока сбора хрисаргира ожидали как бедствия, и сам год, когда он производился, получил название „страшного пятилетия“ (ἡ δεινὴ πεντετηρία).⁴ Отразился также на положении торговцев и ремесленников и рост аугиум согопагиум. Если в первой половине IV в. он собирался только с городской верхушки и был сравнительно невелик по размерам, то во второй его половине, особенно при преемниках Юлиана, он не только чрезвычайно вырос, но и собирался, как это признает большинство исследователей, уже „со всего населения города“,⁵ хотя основную его массу попрежнему вносила богатая верхушка.

Дальнейший рост податного бремени в последней трети VI в., особенно в царствование Феодосия,⁶ когда, по словам Иоанна Златоуста, подати „разрушали дома бедных, как бурный поток“,⁷ послужил причиной наиболее крупного в Антиохии IV в. выступления народных масс — восстания 387 г. „Жители Антиохии, столицы Сирии, — рассказывает Зосим, — не могли выдержать тяжести налогов, возраставших со дня на день, и восстали“.⁸ Непосредственной причиной восстания послужил императорский указ о сборе с городов значительной суммы денег на празднование десятилетия царствования Феодосия и пятилетия его сына Аркадия. Размеры побора в значительной степени определялись непрерывно возраставшими затратами на армию, на восстановление которой после адрианопольской катастрофы (378) требовалось много денежных средств. Недовольство усиливалось еще и тем, что подобный же побор был произведен всего за два года до этого Валентинианом II, который ухитрился выжать из городов огромную сумму в 1600 литров золота. Волнения, сразу же после объявления указа, вспыхнули во многих городах, в том числе и в Александрии и в Берите.

В Антиохии они начались в тот же день, когда пришел „указ о деньгах, издавна грозная весть“.⁹ Он был оглашен в здании суда

¹ Lib., LXII, 17.

² Cod. Just., IV, 43, 2.

³ Lib., XXXII, 33

⁴ Lib., X, VI, 2.

⁵ Ю. А. Кулаковский. История Византии, т. I. Киев, 1903, стр. 56.

⁶ В речах, относящихся к этому времени, Либаний часто говорит о том, что у правителей и чиновников большая часть времени уходит не на управление провинцией, а на взыскание податей и недоимок. К этому же времени относится ряд указов о взимании податей, в частности указ, по которому люди, должные государству, не могли искать убежища и защиты против сборщиков в храмах и церкви не разрешалось их укрывать (Cod. Th., XI, 16, 18).

⁷ Ioh. Chrys. Comparatio regis et monachi, 3, MPG, 47, стр. 390: „τὰς δὲ τῶν πενήτων οἰκίας ὡσπερ χειμῶν, οὐς παρασυρεῖ. . .“.

⁸ Zosimi Hist. nova. IV. 41, 1, ed. L. Mendelssohn, Lipsiae, 1887, стр. 198.

⁹ Lib., XIX, 25: „Ἦκε, τὰ περὶ τοῦ χρυσίου γράμματτα, πρᾶγμα πάλαι φοβερόν“.

(δικαστήριον), куда была собрана вся городская верхушка. Размеры требуемой суммы произвели тяжелое впечатление на собравшихся. Многие выражали недовольство. Сразу же после оглашения указа верхушка и цирковые группировки выступили с выражениями протеста. Некоторые отправились к дому епископа Флавиана с намерением просить его ходатайствовать перед императором о смягчении подати. Тем временем известие о ней распространялось по городу. Толпа, стоявшая у дома Флавиана, быстро возрастала. Так как Флавиана не оказалось дома, толпа вернулась обратно к зданию суда, „принимаясь за неладные речи и собираясь начать такие же дела“.¹ Причем, как подчеркивает Либаний, „люди более порядочные (οἱ γὰρ ἐπιεικέστεροι) об этом не думали“.²

Волнение быстро усиливалось. Сначала вспыхнули беспорядки (ταραχὴ) около общественной бани, а затем народ напал на дворец правителя, консуляра Сирии Цельса, намереваясь расправиться с ним. Но решетки дворца, охраняемые изнутри, сломать не удалось. Из толпы непрерывно неслись крики о деньгах, требуемых императором, и угрозы по адресу властей. Пока происходила осада дворца, волнение распространилось по всему городу: „πόλεως ἀπάσης κοινῶν γεγενημένων“.³ Повсюду слышались уже угрозы не только по адресу местных властей, но и против императора. Его портреты, как и изображения членов его семьи, висевшие во многих местах города, были разбиты камнями. Такой же участи подверглись и многочисленные статуи. Обвязав канатами, их сбрасывали с пьедесталов и с бранью и оскорблениями таскали по улицам города. Была даже свалена и разбита на части тяжелая конная статуя Феодосия.

По словам Либания, ни среди принимавших в этом участие, ни среди тех, кто смотрел на это, декурионов не было.⁴ Когда же возмущение усилилось и народные массы бросились поджигать дома богачей, декурионы, спасая свою жизнь, спрятались и в страхе молились о том, чтобы возмущение скорее окончилось. Либаний подчеркивает, что вследствие овладевшего ими страха они не смогли выступить против восставших.⁵

Находившийся в городе отряд стрелков, видя размах восстания, также долго не вмешивался в происходящие события. Его командир, храбрый и опытный военачальник, „был осторожен и медлил“.⁶ Он выступил со своим отрядом лишь тогда, когда пожар охватил многие дома богачей и восставшие уже пытались поджечь дворец правителя. Широко применить оружие против толпы командир отряда не решился, хотя восставшие и забрасывали стрелков кусками черепицы. Но затем, выпустив несколько стрел по собравшимся, отряду удалось оттеснить поджигателей от дворца и предотвратить распространение пожара.

Узнав о выступлении стрелков, оправился от страха и правитель Цельс. Вместе с бывшими с ним воинами ему удалось просоединиться к стрелкам. Соединенными усилиями им удалось подавить восстание и арестовать наиболее активных его участников.

Опасаясь гнева императора и ожидая, что город подвергнется разгрому войсками Феодосия за совершенное святотатство, а городская верхушка будет сурово наказана за то, что не пресекла восстания,

¹ Lib., XIX, 28.

² Там же.

³ Lib., XI, 5.

⁴ Lib., XIX, 32.

⁵ Lib., XIX, 33.

⁶ Там же.

многие рабовладельцы, после его подавления, бежали из города в свои поместья.¹

Известия Либания и Иоанна Златоуста о бегстве знати из Антиохии весьма интересны. Они показывают, что провинция была полна отрядами беглых рабов и свободных, которые нападали на бежавших из города богачей, грабили их и убивали. Либаний с ужасом говорит о том, что окрестности Антиохии полны трупами убитых и ограбленных.² Причем, как видно из одной его речи, „разбойникам“ оказывало посильную помощь в уничтожении рабовладельцев и местное сельское население.³ Число этих „разбойников“ было столь значительно, что Либаний даже опасался, что они смогут захватить и разграбить Антиохию.⁴

Таким образом, выступление народных масс в городе способствовало усилению классовой борьбы в провинции.

Для наведения порядка оказалось недостаточно имевшихся на месте военных сил, и вместе с посланными для следствия и суда магистром армии (*magister militum*) Еллебихом и Кесарием в Антиохию был отправлен вспомогательный военный отряд.

Началась расправа с участниками восстания. „Одни, — рассказывает Либаний (и почти в тех же выражениях говорит об этом Иоанн Златоуст), — погибли от меча, другие на кострах, третьи были растерзаны зверями, и даже детей не спасал их возраст“.⁵ В первую очередь пострадали те, кто разбивал изображения и статуи императора. „Ты, может быть, удовлетворишься тем, что никого из участников этого преступления уже не существует“, — сообщал Феодосию Либаний.⁶

Была наказана и часть городской верхушки: у некоторых из них было конфисковано имущество и поместья.

В городе на некоторое время были закрыты ипподром и бани, и из „великого“ он был переименован в „малый“.

Стихийное и неорганизованное восстание народных масс Антиохии продолжалось не более суток и было быстро подавлено. Тем не менее это первое в Антиохии крупное антиналоговое восстание произвело сильное впечатление на правительство, на весь господствующий класс. Оно нашло отражение во всех произведениях современных ему и у ряда других, более поздних, хронистов: Руфина, Зосима, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского.⁷

Либаний, спустя несколько лет после восстания, все еще опасался, как бы введение нового побора городскими властями опять не довело дело „до статуй“.⁸

Выступивший после подавления восстания с XXI речью „О статуях“, Иоанн Златоуст убеждал бедных „не мучиться ненавистью к бо-

¹ Lib., XIX, 56; XXII, 11 и 20.

² Lib., XXIII, 1.

³ Lib., XXIII, 16.

⁴ Lib., XXXIII, 16. Эти слова Либания можно было бы считать риторическим преувеличением, но его рассказ о том, что Антиохию в начале IV в. чуть не захватили 500 вставших воинов, позволяет предполагать, что Либаний действительно опасался, что город, из которого бежала большая часть знати и в котором отсутствовал какой-либо порядок, может быть легко захвачен даже сравнительно небольшими отрядами „разбойников“.

⁵ Lib., XIX; Ioh. Chrys. Ad. pop. Ant., III, MPG, 49.

⁶ Lib., XIX, 38.

⁷ Ioh. Chrys. Hom., XXI, de Stat., MPG, 49 стр. 15—223; Zosimi Hist. nova, IV, 41, ed. L. Mendelssohn, Lipsiae, стр. 198; Sozomeni Hist. eccl. VII, XXIII, MPG, 67; Theodoretus Hist. eccl., MPG, 82, и др.

⁸ Lib., L, 21.

гатым“ и призывал их подчиняться начальникам и бояться их, „ибо они поставлены богом“ и хороши тем, что не дают „порочным людям“ производить беспорядки.¹ „В самом деле, — говорил он, — если уже при начальниках и вооруженных воинах неистовство нескольких бродяг и пришельцев в самое краткое время вызвало у нас такой пожар и произвело такую бурю, что заставило бояться полного крушения, что же было бы, если бы не было страха перед правителями, до какого неистовства не дошли бы эти люди?.. Не разрушили ли бы они у нас весь город до основания и, перевернув все вверх дном, не лишили бы нас и самой жизни?“²

Наряду с ростом податей, ухудшение положения народных масс города шло и по другим линиям. Разложение муниципальной системы, переход значительной части принадлежавших городам земель и доходов к частным лицам, постепенное обеднение куриалов — все это приводило к тому, что в течение IV в. непрерывно увеличивались повинности и поборы с торгово-ремесленного населения в пользу города. Корпорации Антиохии должны были в значительно больших, чем раньше, размерах за свой счет или своим трудом производить работы по поддержанию благоустройства города, ремонту общественных зданий, рывью сточных канав и т. д. Иногда это приводило к выражениям открытого недовольства ремесленников.³

В 385 или в 386 г. была введена новая повинность — ремесленники и торговцы должны были вывешивать на вечер и на ночь по три светильника перед каждой лавкой и мастерской. Выполнялось это предписание, в результате которого, по словам Аммиана Мерцеллина, ночное освещение в Антиохии было подобно дневному свету, с большим трудом, и стражники были обязаны силой заставлять уклонявшихся. Нередко они слышали ответ: „Да разве по средствам мне зажигать огонь? Откуда я возьму столько масла, которого я давно уже и сам-то не пробовал?“⁴ К тому же и цены на масло после введения этой повинности сильно возросли.

За год до этого, в 384 г., городскими властями был введен еще один побор.

Подавляющее большинство антиохийских ремесленников жило в наемных помещениях, причем одно и то же помещение одновременно было и жилищем, и лавкой, и мастерской, а нередко в нем жили и работали сразу несколько ремесленников различных специальностей. Обнищание ремесленников и рост квартирной платы привели к тому, что многие из них были вынуждены покинуть эти помещения и жить в лачугах, построенных ими самими в большом количестве на площадях, в портиках, между колоннами общественных зданий.⁵ С 384 г. городские власти стали собирать с живших в этих лачугах ремесленников и мелких торговцев плату, которая шла на... содержание театра. Таким образом, наиболее бедные ремесленники и торговцы должны были платить за развлечения богатых и люмпенпролетариев. В результате, многие вынуждены были покинуть и эти лачуги, „а тот, кто остался, плачет, но вносит“.⁶ Либаний прямо осуждал этот побор и говорил, что он наносит серьезный ущерб ремеслу.

¹ Ioh. Chrys. Ad. pop. Ant., II u VI.

² Там же, VI.

³ Lib., ep., 197.

⁴ Lib., XXXIII, 35.

⁵ Lib., XXVI, 18.

⁶ Lib., XXVI, 20.

Резко возросли и мелкие единовременные поборы. Так, в уже упомянутом выше случае, когда проводилось обновление записей задолженности ремесленников и торговцев по податям, плату, полагавшуюся писцам, собирали... с самих должников.¹

Все эти факты показывают, что городские власти в IV в., особенно во второй его половине, все больше стремились переложить бремя по поддержанию городского хозяйства на плечи торгово-ремесленного населения, народных масс города.

На положении городского населения сказывался и значительный в течение IV в. рост военно-бюрократического аппарата. В Антиохии, как и в других городах, многочисленные чиновники, начиная с правителя и кончая смотрителем за рынком, не только „тянули в казну и статир, и полстатира, и треть его...“,² но и делали все возможное, чтобы нажиться на выгодных должностях. Злоупотребления, вымогательства, взяточничество все увеличивались. Почти каждого правителя Либаний характеризует как взяточника, вора и торговца правосудием.³ „В настоящее время, — говорил Либаний, — на должность попадает тот, кто смог ее купить. И тут же он оборачивается во все стороны, глядя, не находится ли его преемник в нескольких стадиях от него. И тотчас же он откровенно признается, что явился для взяток“.⁴

Почти все правители и чиновники стремились нажиться и на торговле, и на поборах с ремесленников. Один из них „не давал установиться на определенном уровне ценам на каждый продукт в уверенности, что от слабости и неустойчивости рынка получится известный доход ему самому и его близким“, другой „одним торговцам прекращал торговлю их товаром, а других лишал прав, и все это было с его стороны жульничеством, имевшим своей целью присвоить себе доход от торговли этим товаром. И хотя предлог у него и был благовиден, но все дело заключалось в стремлении нажиться“.⁵

От правителей не отставали и другие чиновники. Поставленные над ремесленными корпорациями начальники брали с них незаконные поборы, присуждали ремесленников к телесным наказаниям, чтобы получить взятку за освобождение от них, и т. д.⁶ Так, поставленный во главе корпорации пекарей начальник, богач, имевший большой дом и крупный плодородный участок земли, довел пекарей своими притеснениями и лихоимством до того, что они вынуждены были временно бежать из города в горы, а его преемник и „достойный продолжатель“ чуть не был сожжен вместе со своим домом возмущенными пекарями. Мелкие торговцы подвергались подобным же притеснениям со стороны чиновников, смотрителей за рынками, воинов.⁷

Сильно возрос в течение IV в. и нажим на народные массы города со стороны куриалов. Ответственные за сбор все растущих податей, куриалы все чаще оказывались не в состоянии обеспечить их поступление. Тогда, согласно закону, недоимки взымались с них самих. Это приводило к постепенному обеднению куриалов. В связи с этим обострилась и борьба в самой курии вокруг распределения литургий и повинностей

¹ Lib., XXXIII, 33.

² Lib., XXXIII, 13.

³ Lib., Βίος ἢ περὶ τῆς ἑαυτοῦ τύχης, 255; XI, 42; LVIII, 16; LXIII, 23; LXIII, 11; XIV, 3.

⁴ Lib., II, 42.

⁵ Lib., IV, 27.

⁶ Lib., XXIX; XVII, 30.

⁷ Lib., XLVI, 7.

между куриалами. Более богатые и влиятельные ее члены стремились переложить самые обременительные из этих повинностей на более бедных. В результате, по словам Либания, в курии среди общей массы беднеющих декурионов „есть несколько более богатых, когорые грабят людей слабых, присваивая себе их достояние, и выгоды от декурионата лишь укрепляют их положение“.¹ Они же нередко и скупали поместья своих разорившихся собратьев.² Все это лишь способствовало более быстрому обеднению основной массы декурионов.³ Стремясь избежать экономического банкротства, куриалы усиливали эксплуатацию в своих поместьях и использовали свою власть в городе, чтобы тем или иным путем переложить значительную часть падавших на них тягот на остальное население города. Злоупотребления, вымогательство и взяточничество куриалов настолько возросли, что Либаний едва успевал то выступать в защиту провиновавшегося члена курии, то порицать слишком беззастенчивых вымогателей.⁴ К тому же многие куриалы являлись начальниками, поставленными городскими властями над ремесленными корпорациями,⁵ владельцами домов, в которых снимали помещения ремесленники. Естественно, что все это лишь способствовало обострению противоречий между городской верхушкой и народными массами города. Таким образом, в IV в. не только правитель со своим непрерывно возрастающим аппаратом принуждения, но и куриалы все шире прибегали к злоупотреблениям и притесняли народные низы города. Если же между чиновниками и куриалами и были противоречия по другим вопросам, то здесь, как говорил Либаний, „их нередко примиряла общность корыстолюбивых интересов“. Здесь они нередко действовали совместно.

В немалой степени росту злоупотреблений со стороны куриалов способствовало и значительное изменение их состава. Многие из старых родовитых куриалов, считавших себя „отцами города“ и проникнутые местным патриотизмом, а следовательно, и избегавшие открытых злоупотреблений, выбыли из курии. Их место заняли новые люди, для

¹ Lib., XLIX, 8—9 и 31.

² Lib., XLIX, 8; XLVIII, 15.

³ Следует, однако, отметить, что несомненно происходивший в течение IV в. процесс постепенного обеднения куриалов и упадка антиохийской курии преувеличен Либанием. Едва ли возможно говорить вслед за Либанием, как это делают многие буржуазные ученые, о полном „разорении“ куриалов. В Антиохии была своя специфика. Если курии мелких городов действительно состояли зачастую из землевладельцев, обладавших немногим более установленной законом минимальной нормы, необходимой для зачисления в курию (25 югеров), то в Антиохии дело обстояло несколько иначе. Курию города составляли не мелкие землевладельцы из ближайшей округи, а средние землевладельцы из всей провинции (так, уже упоминавшийся Талассий, имевший поместье в Самосатах, вступал не в курию этого города, а в курию Антиохии), обладавшие значительными поместьями, домами в городе, судами на Оронте, и т. д. Это была скорее провинциальная землевладельческая верхушка. Выполнение литургий по такому огромному городу, естественно, было под силу только богатым людям. Число куриалов, по данным Либания, достигало нескольких сот человек. Причем оно едва ли особенно сильно сократилось в течение IV в., так как при Юлиане и Феодосии были произведены значительные пополнения антиохийской курии. В ведении курии находились и городские земли, по словам Юлиана, 10 000 клеров. Размеры последних устаювить довольно трудно. Обычно они колеблются от 1 до 60 га. Таким образом, если взять самую минимальную цифру, то в ведении курии находилось не менее 10 000 га в середине IV в. Все вышеизложенное говорит о значительной роли куриалов в социально-экономической жизни города. Поэтому и усилившийся в процессе постепенного обеднения куриалов нажим этой экономически сильной городской верхушки на народные массы был для последних весьма ощутительным.

⁴ Lib., XLIX, 9; II, 31; XLV, 4; XVII, 2 и 5; XLVIII.

⁵ Lib., LIV, 42; XLV, 5.

которых традиции куриального сословия были во многих отношениях пустым звуком. Эти новые куриалы, нередко насильно зачисленные в курию, стремились избавиться от своего положения. Либаний часто говорит о том, что эти куриалы роняют старое достоинство курии, заискивают перед правителем, широко прибегают к злоупотреблениям и спекуляциям.

Тяжело отражалась на положении народных масс города проводившаяся курией—иногда в союзе с правителем—политика защиты спекуляций продовольствием, особенно в неурожайные годы. Она была выгодна не только куриалам—владельцам поместий, но и чиновникам, многие из которых, „продавая кто хлеб, кто мясо, кто овощи, стали важными господами“.¹ В течение IV в. эти спекуляции приняли широкие размеры. От них особенно сильно страдало беднейшее население города. Ремесленники, не имея запасов продовольствия и ежедневно покупая его на рынке, быстро разорялись вследствие дороговизны, попадали в кабалу к ростовщикам, продавали своих детей и орудия труда, превращаясь в люмпенпролетариев. Дороговизна и спекуляции продовольствием вызывали поэтому особое недовольство трудовых низов города. Златоуст так рассказывает об одном из таких случаев: „Вы, конечно, помните, как пусто было без товаров торжище, каких смут были полны мастерские...“.²

Так было, например, в 354 г., когда курия Антиохии, несмотря на неоднократные приказания цезаря Галла принять меры к улучшению снабжения города, фактически саботировала эти распоряжения, давая возможность землевладельцам и торговцам нажиться на неурожае. Последних, очевидно, поддерживал и правитель, консуляр Сирии Феофил, от которого, по словам Галла, передаваемым Аммианом Марцеллином, во многом зависело смягчение голода. Неоднократные выступления народных масс на ипподроме с протестами против дороговизны привели к открытому возмущению. Собравшаяся на ипподроме толпа растерзала правителя. Как сообщают источники, он был убит пятью кузнецами-ремесленниками.³

Возмущение не закончилось убийством правителя на ипподроме. Народ напал и на прямых виновников злоупотреблений. Прямо с ипподрома толпа направилась к дому одного из местных богачей, который, как выясняется из источников, был, очевидно, руководителем группировки землевладельцев в курии.⁴ Его дом был сожжен, а он с сыном, раненные камнями, кидаемыми из толпы, бежали в горы.⁵

В царствование Юлиана, в 363 г. неурожай также был использован землевладельцами и торговцами для своего обогащения.⁶ Даже когда после ряда выступлений на ипподроме, по приказанию Юлиана, был привезен хлеб из других провинций и продавался по обычным ценам,

¹ Lib., II, 54.

² Joh. Chrys. De s. Babul., III, MPG, t. 49.

³ Lib., XIX, 47: „ὀπὸ χιλκίων πέντε“.

⁴ Lib., Вис. . . , 116 „Евбул и его партия“; XI, 144—о партиях в курии; В'ис. . . , 103 и XVI, 23—Евбул упоминается в связи с голодом 354 и 363 гг. М. Я. Сюзюмов (ук. соч., стр. 124) ошибочно полагает, что выражение Либания „τὴν ἐμὴν μερίδα“ означает партию куриалов. В действительности же—это та группировка в курии, к которой принадлежал Либаний. Ей противостояла другая группировка, про которую Либаний говорит: „Евбул и его партия в курии“.

⁵ Lib., В'ис. . . , 103.

⁶ Наиболее подробное в буржуазной литературе описание событий 363 г. дано: G. D o w n e y. The economic Crisis in Antioch under Julian the Apostate. Stud. in Rom. Econ. and. Soc. History in hon. of A. C. Johnson, 1952, стр. 312—321.

они продолжали скупать его, надеясь поддержать высокие цены на рынке. Некоторые члены курии открыто выражали свою радость по поводу дороговизны продуктов.¹ Либаний, старавшийся оправдать курию перед императором, вынужден был признать, что куриалы скрывали продукты и, „будучи в состоянии открыть обильный рынок, добились того, что он пришел в оскудение“.² По его словам, часть декурионов „позарилась на наживу“.³ Юлиан же прямо говорит, что богатые „хотели превратить продукты в золото и серебро“.⁴ В результате этих спекуляций бедные не имели возможности покупать даже самые дешевые продукты и голодали.⁵

Голодные волнения имели место в Антиохии и в 382 г., когда правитель, в отличие от одного из своих предшественников — Феофила, труп которого таскали на веревках по улицам города, все же „избежал канатов“,⁶ и в 384 г., когда голодные волнения продолжались несколько дней и „народ своим противозаконным волнением согнал со сцены (очевидно, ипподрома, — *Г. К.*) артистов и вызвал опасения еще большего беспорядка“.⁷ Эти голодные волнения не были, как пытаются их представить некоторые буржуазные ученые, выступлениями вечно недовольной праздной черни, требовавшей раздач продовольствия и увеселений: „хлеба и зрелищ“. В Антиохии, в отличие от Константинополя, Рима и Александрии, не было регулярных бесплатных раздач продовольствия. Как и в остальных провинциальных городах, здесь люмпен-пролетариям „предоставлялось самим заботиться о себе“.⁸ Поэтому число люмпенпролетариев в Антиохии было едва ли особенно велико. Оно ограничивалось размерами щедрости местной верхушки.

Основную массу участвовавших в этих волнениях составляли отнюдь не люмпенпролетарии, а свободные трудовые низы города, а также отчасти и мелкие рабовладельцы. Как совершенно определенно видно из описаний этих волнений у Либания и Юлиана, их участники требовали не бесплатных раздач продовольствия, а установления обычных цен на хлеб и другие продукты.

В отличие от люмпенпролетариев, многочисленные в Антиохии трудовые низы имели свои материальные интересы, определявшие характер их выступлений. Цель их трудовой деятельности — обеспечение существования самих себя и членов своих семей.⁹ Это заставляет с особой осторожностью подходить к вопросу об участии народных масс города в борьбе цирковых группировок.

Рассмотренные выше выступления народных низов обычно не имели ничего общего с выступлениями этих группировок. Последние были отражением обострившихся под влиянием кризиса противоречий между различными группами господствующего класса, преследовавшими свои собственные материальные и политические интересы. Борьба между группировками, естественно, не ограничивалась ипподромом. Она шла в самом городе. Ее обострение и обусловило появление так называемых „ловких людей“. Эти люди — в большинстве случаев с темным прошлым —

¹ Lib., XVI, 18.

² Lib., XVI, 21.

³ Lib., XVI, 23.

⁴ Jul. *Μετωπώων*, 368—369.

⁵ Lib., XVI, 23.

⁶ Lib., *Βίος* . . . , 211.

⁷ Lib., XXIX, 2.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

⁹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 50.

выполняли самые „деликатные“ поручения активных сторонников той или иной группировки: распускали клеветнические слухи, порочащие политических противников их патронов, совершали избиения и убийства из-за угла (подобным образом от руки наемных убийц чуть не погиб Либаний). „Их дело, — рассказывает он, — и скандалы в банях, и камни в бассейнах, и издевательства, достойные всяких казней“.¹ Эти „ловкие люди“ целые дни проводили в приемных чиновников, судей, куриалов и, используя эти связи, за плату могли замолвить перед ними словечко для решения дела в пользу заплатившего. Они знали и могли за плату доставить лжесвидетелей, передать взятку и т. д. Рядовые граждане их ненавидели. Либаний рассказывает об одном из таких случаев, когда „разнузданность этих нанятых людей (τὴν δὲ ἀσέλγειαν τούτων τῶν μισθωτῶν) и тех, кто их наняли... вызвали недовольство всех посетителей бань, и последние воздали должное, кому смогли, били их, таскали, толкали, что вызвало бегство остальных единомышленников“.²

Велика была роль „ловких людей“ и на ипподроме, так как они были связаны и с актерами, и с люмпенпролетариями, которые, кормясь от подачек богачей около ипподрома, в борьбе партий на ипподроме „выражали“ мнение народа. В своей статье М. Я. Сюзюмов приводит интересный материал, показывающий, что их голоса просто покупались за несколько обол.³ В действительности трудовые низы города не так уж часто посещали зрелища, и обычно на ипподроме преобладали среди зрителей в качестве завсегдатаев представители господствующего класса, юноши из богатых домов, „ловкие люди“, люмпенпролетарии. В случае же выступлений против податного гнета и спекуляции продуктами положение было иным: тогда на ипподром стихийно собиралось беднейшее население города, чтобы выразить свое недовольство; состав находившихся на ипподроме был в этих случаях совершенно иным, чем в обычные дни.

Гнет налогов, вымогательства и грабежи правителей и чиновного аппарата, спекуляции крупных землевладельцев и торговцев продовольствием, чрезвычайно усилившиеся в течение IV в., резко ухудшили положение народных масс города. Либаний так описывает его во второй половине IV в.: „Медники, как и остальные ремесленники, сами не спят и не дают спать своим близким... Почему они не спят, какой хозяин их будит? Разве они не свободны и происходят не от свободных? Почему же они живут хуже, чем у нас (рабовладельцев, — Г. К.) рабы? Потому, сказали бы они, что хотя нас никто и не купил, наш господин — страх голода, который заставляет нас день и ночь трудиться, грозя ленивым самой жалкой смертью. Под властью этого господина ты найдешь ремесленников и всех мелких торговцев...“.⁴

Это показывает, что интересы свободных трудовых низов города к концу IV в. приходят во все большее противоречие с рабовладельческим строем, который уже не мог обеспечить им сколько-нибудь сносное существование. Он уже не мог улучшить их положение, а мог лишь бесконечно ухудшать. Само их экономическое положение делало их враждебными рабовладельческому строю, помимо их воли толкало на выступления против него, на борьбу с ним. Народные массы выступали не только против податного гнета — против рабовладельческого государства, но и против эксплуатировавших их местных рабовладельцев.

¹ Lib., XXVI, 5.

² Lib., XXVI, 7.

³ М. Я. Сюзюмов, ук. соч., стр. 119.

⁴ Lib., XXV, 36.

Во время уже упоминавшегося возмущения в 354 г. народные массы напали на одного из местных богачей и известного ратора Евбула и сожгли его дом. В 364 г. городская беднота разгромила виллу одного из наиболее богатых антиохийских граждан — сенатора Датиана. Даже в случае сравнительно небольшого выступления народных низов городские богачи спешили бежать из Антиохии и укрыться в своих поместьях. Рассказывая об одном из таких случаев, Либаний говорит, что они „считали себя в выигрыше уже от того, что не сгорели в своих собственных домах, так как опасались и этого“.¹ По его словам, когда поднималось народное возмущение, декуррионам „была нужна не только в ногах, но скорее в крыльях, если они хотят избежать огня“.² Он и Иоани Златоуст сообщают и о фактах волнений ремесленников и наемных работников в мастерских.³

Нельзя, однако, преувеличивать силы и значения этих выступлений в IV в. Еще многое связывало народные низы с традициями старого полиса, еще сильно было влияние на них местной городской верхушки. Нельзя переоценивать и сообщения некоторых авторов о том, что уже в IV в. городское население только и ожидало прихода варваров. Тем не менее общая тенденция была именно такова. Едва ли можно рассматривать как ее опровержение случаи выступления народных масс города против варварских отрядов, нередко находившихся на службе у империи и нередко использовавшихся для подавления городских волнений.

Классовая борьба в городе не прекращалась, даже когда у ворот стояли варвары. Так, в VI в. в Амиде, когда враги приближались к городу, городская верхушка и торговцы продолжали скрывать продовольствие и наживаться на голоде городских низов. В конце концов эти запасы попали в руки персов.⁴ Таковую же картину для дунайских провинций рисует и житие св. Северина.⁵ Глубокая пассивность, равнодушные народных масс города к судьбам Восточно-Римской империи, а часто и открытая ненависть облегчали захват римских городов и провинций варварами, в частности на Востоке персами. Известны случаи, когда городское население приветствовало персидских завоевателей. В дальнейшем ухудшение положения народных масс города в VI в. послужило одной из причин быстрого захвата Сирии и Палестины арабами, которых городская беднота встречала как освободителей.

Выступления народных масс города в IV в. имели место не только в Антиохии. Подобные выступления происходили во многих городах, особенно в конце IV в. Они имели место и в Риме, причем Аммиан Марцеллин многие из них рассматривает не как бунты праздной черни, а как выражение недовольства трудовых низов города, „бедных ремесленников“.⁶ Большие волнения происходили в Александрии, Берите, Эдессе.⁷ Вслед за антиохийским восстанием 387 г. вспыхнуло летом

¹ Lib., XXIX, 8.

² Lib., XXV, 44.

³ Lib., XXII, 7: „... τὰ εἰσθότα ταῦτα ποιεῖν καὶ ταραττεῖν καὶ συχεῖν τὰν τοῖς ἐργαστηρίοις...“; Lib., XXXVI, 4: „μισθωσαμένων τε ἄγνωμοσύνη κατὰ τῶν αὐτοῦς μεμισθωκότων...“; Lib., ер., 197: „ταρχή δὲ ἐν τοῖς ἐργαζομένοις...“; Joh. Chrys. MPG, 47, стр. 726 и др.

⁴ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 151.

⁵ Eugippii Vita Severini, 1, 2, III, 2, ed. Th. Mommsen, Berlin. 1898.

⁶ Amm. Marc., XXVI, 3, 10; XIX, 10, 2; XXVII, 3, 3—5.

⁷ Lib., XIX, 14 и 48; XX, 27; XVI, 14.

388 г. возмущение в Константинополе,¹ в 389 г. — в Александрии.² В Фессалонике в 390 г. доведенные до отчаяния новыми податями и вымогательством чиновников народные массы подняли мятеж.³ В наказание за это выступление войска по приказанию Феодосия устроили резню на ипподроме, в результате которой погибло несколько тысяч фессалоникийцев (цифры, приводимые источниками, колеблются от 7 до 15 тысяч). Волнения происходили столь часто, что Либаний считал их уже неизбежным злом. По его мнению, приходилось удивляться „не тому, что они происходят, а тому, если их нет“.⁴ Во время этих выступлений народные массы убивали правителей, громили дома богатей, уничтожали портреты и статуи императоров. Характеризуя общее положение в империи в конце IV в., Иоанн Златоуст писал: „Теперь с течением времени в умах многих людей укоренилось некое общее предубеждение, словно какой-то оратор возвещает по всей земле и говорит так: все низверглось в роде человеческом, всюду великое смятение, ежедневно многие терпят обиды и притеснения, слабые от сильных, бедные от богатых, но, как невозможно сосчитать морские волны, так же невозможно сосчитать и множества обиженных и притесняемых; ни действие законов, ни страх суда—ничто не останавливает болезни, а лишь с каждым днем увеличивается зло; везде стоны и слезы обижаемых...“⁵

Так ощущался наиболее пронизательными представителями господствующего класса кризис рабовладельческого общества, одним из проявлений которого были волнения и возмущения в Антиохии.

¹ Sozom. Hist. eccl., VIII, 4, MPG, 67, стр. 1432; Socr. Hist. eccl., V, 13, MPG, стр. 600; Lib. ep., 1429a и 1429b.

² Sozom. Hist. eccl., VII, 15, MPG, 67, стр. 1432; Socr. Hist. eccl., V, 16—17, MPG, 67, стр. 605; Theodoret. Hist. eccl., V, 22, MFG, 82, стр. 1246.

³ Материалы источников, относящиеся к этому восстанию, см., например: T. Tafel. De Thessalonica eiusque agro..., Berolini, 1839.

⁴ Lib., XIX.

⁵ Иоанн Златоуст, Твор., т. III, Сергиев Посад, 1906, стр. 474.